

С. Б. Сорочан

О банно-прачечном деле как виде рыночных услуг в Византии IV—IX вв.

остояние банно-прачечного дела как сектора услуг византийского рынка на протяжении IV—IX вв. относится к числу слабо изученных проблем, которые, с одной стороны, не становились предметом специального исследования (особенно это касается прачечного дела как техне — ремесла), а с другой стороны, порождали, как нам кажется, предвзятую картину состояния банного дела ромеев, которое объявлялось деградирующим, по сути дела, переставшим функционировать в «темные века» [1; 2, р. 196–199; 3, с. 181; 4, р. 499–500; 5, с. 302]. Можно встретить утверждения, что даже

«после IX в. в период оживления городской жизни бани строятся в ограниченных количествах» [5, с. 302]. Эволюция их развития с IV в., то есть с позднеантичного периода, до IX в., когда Византия превратилась с типичную средневековую державу, виделась в отходе от крупных, роскошных банных комплексов в сторону небольших, упрощенных, крайне редких бань, ограничивавшихся, по сути дела, одним парным отделением, кальдарием [1, S. 87, 93; 6, р. 234]. Как вывод из этого, следовало заключение об исчезновении профессий банного истопника и банщика, содержателя бани. Более внимательное, критическое отношение к письменным и археологическим источникам, исследуемым в комплексе, заставляет в этом отчасти усомниться, а отчасти внести коррективы в картину, ставшую привычной в научных кругах, в которой банное дело в Византии, ее термы, лутры, валании — купальни (*ta therma, ta balania, ta loutra*), выпадают из рыночных отношений после VI в. и, значит, исчезают из сферы профессиональной предпринимательской деятельности.

Первое, что можно заключить, исходя из поставленных выше задач, это то, что прачечное дело, стирка белья как ремесло и вид услуг, видимо, действительно прекратили свое существование к VII в., если не считать монастырских прачечных, обслуживавших коллективные нужды обитателей [к примеру, см.: 7, р. 151]. Редкий пример ранневизантийской прачечной являет простая, примитивная постройка, обнаруженная в пределах Геруловых стен в Афинах. Она была сооружена из спойл, как это было принято в духе времени, и состояла из прямоугольного бассейна (3,35 × 1 м), вода в который поступала из водосточного канала прилегающей постройки раннеримского времени [8, р. 119]. Надо полагать, домашняя стирка в каменных корытах и тазах окончательно заменила эту сферу рыночных услуг, еще известную греко-римскому обществу первых веков н. э. Иные свидетельства напрочь отсутствуют, что говорит само за себя.

Однако на фоне этого удручающего показателя метаморфоз ранее привычных услуг, состояние ранневизантийского банного дела выглядит отнюдь не упадочным. Ответственные термы, иногда просторные комплексы, занимавшие до 500 и более кв. м., существовали не только в городах, но и селах, как это видно на примерах некоторых

сирийских деревень VI в. [9, s. 419 sq.; 10, p. 75, 76, 83–84, 87, 88; 11, с. 268]. Их охотно посещали, иногда по два раза в день, а случалось, даже устраивали Св. Крещение или встречали Пасху, сопровождая ее богослужением [12, с. 261 (VI. 18), 263–264 (VI. 22); 13, p. 338–339]. В термы было принято ходить после Евхаристии, которая у богобоязненных, добропорядочных ромеев происходила довольно часто, по крайней мере, не реже раза в месяц [14, vol. 1, p. 109; vol. 2, p. 113; 15, с. 350–352]. Недаром общественные бани особенно часто располагали рядом с храмами, церквями, епископальными комплексами [16, p. 94]. Любые важные, тем более богоугодные, благочестивые дела не совершались без предварительного омовения. Главное, мытье стало рассматриваться уже не как вид развлекательного времяпровождения. В нем усматривали не только гигиеническое, но и лечебное средство, советовали мыться натошак, причем больным — не менее двух раз в неделю, использовать при купании отвары ромашки, мяты, майорана, которые ухаживали за кожей [17, с. 45; 18, с. 144; 5, с. 302]. По этой же причине Типики сплошь и рядом рекомендовали его больным монахам [9, s. 425]. Совместное мытье мужчин и женщин в банных заведениях еще не стало считаться пороком [19, с. 219], но юные девушки и молодые замужние женщины старались туда не ходить. И это несмотря на то, что в большинстве случаев омовение совершалось, очевидно, не в обнаженном виде, а в одеянии, купальном костюме. Например, епископ Палладий Еленопольский, внимательный к деталям такого рода, упоминал в «Диалоге с Феодором», что диакониса Олимпиада, современница Иоанна Хрисостома, в тех случаях, когда у нее была необходимость в бане, «...сходила в воду в хитоне, стыдясь, как говорят, самой себя» [20, sec. XVII]. Через пару столетий такой «банный ригоризм» стал еще более отчетливым. Правило 11 Вселенского Пято-Шестого собора 691/692 г. запрещало клирикам и мирянам мыться вместе с иудеями, а правило 77 того же синода грозило всякому христианину извержением или отлучением от Церкви за совместное купание мужчин и женщин, кем бы они ни были — священниками, клириками, аскетами, мирянами [21, с. 277–278, 293]. Убежденный сторонник таких крайностей, Псевдо-Афанасий в сочинении «О девстве» (sec. 11) советовал истинным христианам, если они здоровы, не ходить без нужды в баню, не раздеваться догола и не погружаться целиком в воду, а лишь омыwać лицо, руки и ноги: «Не умывайся двумя руками, не натирай щек твоих, не употребляй мыла и ничего подобного, ибо это делают люди мирские, не мойся в чистой воде» [см.: 22, с. 28]. Видимо, под влиянием таких наставлений, постепенно крепко укоренившихся в сознании ромеев к X в., Николай Мистик осуждал грязное лицо, но грязь на других, скрытых от взоров частей тела, его уже не смущала [23, с. 95]. Не только клирики, но и миряне перестали посещать бани в постные дни недели. В шестом вопросе болгар к Папе Николаю I в 866 г. содержится намек на это, ибо спрашивающие утверждали, что ромеи не ходят в баню в среду и пятницу (*nullo modo in quarta et sexta feria balneari debeatis*) [24, с. 48]. Но это никоим образом не значит, что они игнорировали банные услуги в прочие дни и жили как истые аскеты-пустынники, не прикасавшиеся к воде.

Таким образом, представление византийцев о чистоплотности в целом не менялось, но банное дело, действительно, принимало новые черты под влиянием меняющегося, по сути дела, нового христианского быта и менталитета, оставаясь в основе своей давней, привычной практики неизменным. Даже содержание его, по крайней мере в IV—V вв., как и прежде, возлагалось на куриалов, членов совета полиса и тут не обходилось без столь же привычных злоупотреблений властей. Так, из Кодекса Феодосия, из закона императоров Гонория и Феодосия, адресованного префекту претория Монаксию от 28 июля 417 г., следовало, что «дуксы Евфратийского лимеса взымали за дрова и бани ежедневные тримиссы», причем делали это незаконно в течение всего предыдущего трехлетия [25, с. 284].

Вместе с тем банные услуги обходились недорого. Григорий Нисский (ум. 396 г.) рассказывал о некоем ростовщике, который «...редко ходил в баню, ибо ему жалко

было часто платить за то по три обола» [26, с. 189], то есть медяка, равных стоимости небольшого карава хлеба. Из этого уникального для нас свидетельства следует, что цена банного обслуживания в IV—V вв. была вполне посильна для рядового обывателя, если только он не страдал патологической жадностью. Разумеется, клиенты таких заведений были разными и порой весьма состоятельными. Косвенно на это указывают случаи воровства в банях, например, похищения украшений у тех женщин, которые, даже идя мыться, являлись с ними, о чем сетовал в своих гомилиях Иоанн Хрисостом, осуждавший выставление роскоши напоказ [27, col. 581; 17, с. 55].

Наряду со старыми термами продолжали возводить новые. Достаточно погрузиться в пристальное чтение ранневизантийских нарративных источников, чтобы выявить сплошной пласт таких свидетельств. Так, по словам хрониста Иоанна Малалы, император Феодосий II построил в основательно разрушенной землетрясением Никомидии, главном городе Вифинии, общественные бани, названные наравне с новыми портиками, гаванью, ареной и церквями [28, р. 363; 29, с. 483]. Две общественные бани были возведены в правление Анастасия в Даре — Анастасиополе, который Иоанн Малала называет «очень большим и неприступным укреплением в Месопотамии», причем термы, ввиду их важности, престижности, указаны перед прочими постройками города — церквями, портиками, хранилищами для зерна, цистернами для воды [28, р. 399; 29, с. 496]. Незадолго до смерти этот император вновь «возвел во всех городах римского государства различные общественные здания», в числе которых и на сей раз названы «...построенные с фундамента общественные бани» [28, р. 409; 29, с. 501]. Под 5202 годом хронист Феофан Исповедник записал, что император Юстиниан I в Константинополе «...достроил общественную баню в Дагисфеи, которую начал еще Анастасий» [30, с. 162]. О строительстве бань в Антиохии при Юстиниане I на средства царя упоминал Иоанн Малала, который особо отмечал важность таких сооружений [28, р. 423; 29, с. 505]. О них писал и епископ Иоанн Никиусский. Живописуя страшные пожары в Антиохии VI в., он в качестве ориентиров границ дотла выгоревших кварталов назвал, очевидно, хорошо знакомые всем горожанам «баню, прозываемую Тайнадоном» и «сирийскую баню» [31, sec. XC; 32, с. 565]. Тот же хронист упоминал термы при описании греха содомии, совершенного Александрийским патриархом Павлом с одним из диаконов [31, sec. XCII; 32, с. 569]. Вновь две общественные бани Антиохии фигурировали в описании Евагрия как пострадавшие в результате сильнейшего землетрясения 588 г., причем историк отметил, что каждая из них предназначалась «для определенного времени года», то есть, надо понимать, они действовали попеременно в холодную и теплую пору [33, с. 396 (VI. 8)]. Как можно понять со слов составителя «Чудес Св. Димитрия», в Фессалонике в конце VI — начале VII вв. было несколько общественных бань-валаний (*demosia balaneia*), причем во время семидневной аваро-славянской осады города в 586 или 597 г. они оказались наполнены размещенными здесь беглецами из числа славян, которых горожане «уговорили и обещаниями убедили» перейти на их сторону [34, с. 114. 72–173, § 143; 35, с. 84]. Нет оснований думать, что фессалоникийцы прекратили использовать эти валания по своему прямому назначению после того, как угроза городу миновала. Во всяком случае, археология не оставляет сомнений, что общественная баня, сооруженная здесь, в верхнем городе в VII—VIII вв., продолжала действовать вплоть до поздневизантийского времени [36, р. 61, fig. 18].

Более того, такой континуитет оказывается вообще типичен для ромейских бань. Некоторые из них, с доделками, переделками, ремонтами, обновлениями действовали столетия, переходя из эпохи в эпоху. К примеру, Иоанн Малала упоминает об одной из критских бань, построенных еще при Юлии Цезаре и рухнувшей в правление Феодосия II, да и то не от ветхости, а в результате землетрясения, потрясшего остров [28, р. 359]. Сооруженная во II в. и полностью перестроенная не ранее конца III —

начала IV вв. полисная общественная баня в северобалканском Ульпии Эске, площадью примерно 700 кв. м, из восьми помещений и двух бассейнов глубиной 1,05 м, просуществовала до разрушения города на рубеже VI—VII вв. и, можно быть уверенным, продолжала бы действовать и далее, если бы город, как большинство крепостей региона, не погиб [37, с. 239, рис. 13]. Такую же не прекращавшуюся византийскую традицию банного дела в этом регионе демонстрирует Августа Траяна, она же — Вероя, а с конца VIII в. — Иринополь. Из эпиграфической строительной надписи 161–163 гг. следует, что в «городе траянцев» никоидийцем Ульпием Иеронимом, первым жрецом Августы Траяна, была возведена просторная баня, представлявшая собой огромную массивную постройку площадью 2500 кв. м, с тремя бассейнами, вестибюлем с мозаичным полом и большим залом — нимфеумом, которая, как показывают раскопки, просуществовала в урезанном виде, с перестройками до XII столетия, поставив своеобразный рекорд «долгожительств» таких сооружений [38, с. 18; 39, с. 46]. Раскопки совместной югославско-американской экспедиции в Сплите тоже показали, что одна из двух обнаруженных здесь бань (восточная) продолжала действовать с VI—VII вв. до X в. [40, р. 255, fig. 2–3]. Как отмечал в своих письмах Папа Мартин I, во время его почти годичного пребывания на эгейском острове Наксосе находившийся под стражей понтифик два или три раза имел возможность посетить баню и, значит, в 654 г. это оставалось обычной, вполне осуществимой услугой, к которой мог прибегнуть даже арестант [см.: 41, с. 56]. Василевс Константин IV, выступивший около 680 г. против болгар Аспаруха, начавших разорять «лежавшие близ Дуная земли», то есть страну «тогда удерживаемую христианами», ромеями, вынужден был из-за сильных болей в ногах покинуть войска и на судах отправиться в приморскую Месемврию, чтобы принять там горячую баню-лутру (loutrou) и тем облегчить страдания [42, с. 276, 279, XX]. Разумеется, это не была некая личная царская купальня, а лишь ближайшая к месту военных действий во Фракии одна из городских общественных бань. Хронист Георгий Монах упоминает о ней как о валании (balaneion) [43, р. 729], хотя в других случаях чаще использовал термин лутра (loutron) [ср.: 44, с. 6, 234; 225, 11; 464, 15; 504, 24]. В конце VII в. в Равенне тоже действовали бани общего пользования, причем нет оснований считать, что они исчезли позже. Хронист Агнелл (ок. 805–841 гг.) упоминает лишь о том, что их закрывали на время крестных ходов, стациональных шествий [45, р. 362], но не более того. Общественная баня (demosion loutron), если верить Деяниям братьев Давида, Симона и Георгия, существовала в Митилене на Лесбосе в конце VIII — начале IX вв. [46, р. 213].

Функционировали бани и в столице Империи, хотя это уже были не прежние роскошные, украшенные статуями, просторные комплексы. Термы, о которых упоминали Нотиции города Константинополя и другие ранние авторы, — бани Ахилла, Анастасианы, Аркадианы, Карозианы, Евдоксианы, Еленианы, Онорианы, — совершенно не упоминаются в позднейших источниках. Знаменитые огромные бани Зевксиппа, или, точнее, то, что осталось от их нарядного комплекса в центре города, еще посещал в 713 г. василевс Вардан Филиппик, но к IX в. часть их превратили в казармы, а часть — в тюрьму Нумеры, печально известную своими беспросветными казематами [47, р. 39; 13, р. 340]. Термы Константина, хотя и без того количества скульптур, что были здесь прежде, действовали до конца VIII в., как и термы Дагисфея, рядом с Тетрапиллом, на холме Оксия у Золотого рога [13, р. 339; 48]. В начале IX в. в одной из печей этих бань устроился монах-иконоборец, что говорит само за себя. Как правило, именно на эти, ставшие классическими факты, ссылаются византилисты, указывая на них как на свидетельства кардинального свертывания банного дела и банных услуг в Византии VII—IX вв.

Между тем другого рода источники заполняют, казалось бы, действительно вырисовывающуюся лакуну. Спору нет — большие общественные банные комплексы к этому времени ушли в прошлое. Причиной стали демографический спад, сократившиеся доходы,

нехватка воды и топлива. Но главное даже не это, а ненужность существования в новых условиях таких гигантских, дорогостоящих, роскошных комплексов при явном сокращении числа их клиентов, настроенных уже не на развлекательное времяпровождение досуга, а на обычный оздоровляющий, скромный помыв ради чистоты и соблюдения христианского благочестия. Теперь они ходили в небольшие, простые публичные бани (частных бань не было даже у богатых сановников — про первую жену Льва VI Мудрого, благочестивую Феофано (886–895 гг.), известно, что в юности отец принуждал ее посещать публичные термы, куда она ходила в сопровождении немногочисленной прислуги [49, S. 3]). Да и содержали их уже не только власти или сановные имперские чиновники, но и частные предприниматели. Чудеса вмч. Артемия, запечатлевшие черты повседневного быта столицы VII в., повествуют о некой трудолюбивой женщине, которая была хозяйкой мужских и женских бань близ дворца Девтерон на западной окраине Константинополя. Она была так занята, что не имела времени сходить в храм и помолиться об исцелении от мучившей ее болезни [см.: 22, с. 107]. Со слов Феофана Исповедника тоже можно понять, что мытье в бане продолжало оставаться излюбленным удовольствием ромеев и в правление Константина V (741–775 гг.) [50, с. 258]. Именно из бани, с кувшином и еще мокрым прандием-покрывалом, возвращалась встретившаяся Михаилу III его крестница — кабатчица (kapelis) [51, р. 199. 11–200. 5; 52, р. 660; 53, с. 85–86 (IV. 37)]. В 40-е гг. IX в. новый дом, баню (loutron) и сад устроил в Константинополе в так называемой Апсиде (Apsidi) логофет Феокист, фаворит василиссы Феодоры, матери упомянутого Михаила III [54, р. 722]. В северо-восточном углу Большого императорского дворца при Льве VI была устроена роскошная императорская баня, которая, впрочем, свелась главным образом к кальдарию [6, р. 225–240; 55, р. 97–118].

Ту же картину сохранения банного дела и банных услуг являют и провинциальные ромейские города. Раскопки малоазийского Амория показали, что баня функционировала здесь до середины IX в. [16, р. 85], причем едва ли она была единственной в таком городе, сравнимом по своим размерам с крымским Херсоном, где в ходе многолетних раскопок выявлено не менее четырех-пяти банных заведений, действовавших в VI–IX вв., а частью — и в более позднее время, вплоть до XIII в. [56, с. 196–211, рис. 1–6]. Результаты их исследования особенно показательны и важны для общих выводов о состоянии банного дела в Византии этого времени. Они указывают, что провинциальные ромейские термы отличались простотой конструкции и декора и имели сравнительно небольшие размеры, рассчитанные на одновременное обслуживание максимум 10–15 человек. Если не считать нескольких ванн, облицованных мраморными плитками, среди херсонских бань невозможно найти других украшений банного интерьера, причем после VII–VIII вв. следы мраморной облицовки не прослеживаются, а там, где она была, ее во время ремонтов покрывали плинфой [57, с. 366–367]. Как правило, бани состояли из трех (реже — четырех) помещений с камарными сводами — раздевалки-аподитерия, собственно бани-кальдария и помещения с топкой, то есть несли будущие черты поздневизантийских бань [ср.: 5, с. 303]. Но среди них выделяются бани «анфиладного» типа, из нескольких, последовательно соединенных помещений с постепенным переходом от холодного к горячему, парному отделению, ближайшему к топке (баня размерами 16,0 x 6,75 м у Северной базилики № 22), и с нарушением такой классической системы, причем со следами неоднократных ремонтов, перестроек. Наиболее показательны в этом отношении бани в центре «цитадели» Херсона и в квартале III рядом с главной продольной улицей в центре города. Баня в «цитадели», как показывают раскопки, наиболее активно функционировала в конце VI — первой половине IX вв. Многие детали устройства ее гипокауста свидетельствуют о достаточно хорошем знании строителями основ теплотехники, вентиляции, принципов тяги, хотя для самого здания было характерно отсутствие симметрии и соединение кальдария с фригидарием переходом через аподитерий [56, с. 197–203, рис. 1]. Баня в центре квартала III ограничивалась, по сути

дела, аподитерием и небольшим кальдарием (6,8 × 4 м), примыкавшим к помещению с топкой, хотя ясно, что она пережила несколько перестроек, вероятно, весьма кардинальных, и просуществовала в общей сложности около пяти столетий, возникнув не позже IX в. [56, с. 205–209, рис. 4–5]. Л. А. Голофаст относит эту постройку к первой половине X в., но сама же указывает на находки фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками в нивелировочном слое под вымосткой двора бани и на то, что здание было сложено из крупных, аккуратно подтесанных с лицевой стороны блоков камня, уложенных правильными рядами с использованием толстого слоя известкового раствора с морским песком и мелкотолченой керамикой [5, с. 304]. Такая регулярная кладка на цемянке не характерна для поздневизантийского времени, да и кувшины указанного типа появились уже с середины IX в. Именно цемянка не позволяет считать блоки камня спoliaми, включенными в здание бани в более позднее время. Скорее всего, мы и здесь имеем дело с очередной перестройкой классического банного сооружения эпохи «темных веков».

Таким образом, многие из технологий и профессиональных навыков, необходимых для обустройства и содержания общественных бань, все же сохранились в Византии. Не все они были утрачены, забыты с концом эпохи поздней античности. Показательно, что спрос на мыло, мыльный порошок — стакту, мыльный экстракт оставался устойчивым, а корпорация мыловаров-сапонопратов, судя по Книге Эпарха, не испытывала недостатка в покупателях своей продукции [11, с. 269]. В отличие от исчезнувшего прачечного дела частные предприниматели банного дела не перевелись и приспособились к изменившимся под влиянием христианства потребностям новых времен. Сравнительная редкость сообщений о банях этого периода еще не показатель их действительного отсутствия. Примечательно, что они продолжали сравнительно редко упоминаться и в византийских городах X—XI в. и более позднего времени, когда уже не приходится сетовать на упадок «темных веков» [ср.: 58, S. 139]. Да и было ли кардинальное изменение в это время или «кризис банного дела» не затронул существа происходившей перестройки, сопровождавшейся лишь увеличением численности, а, значит, удельного веса частнопредпринимательских бань либо бань, которые содержались с помощью церковных властей? Они продолжали нуждаться в услугах хозяев таких заведений, истопников, банщиков, поставщиков банного инвентаря, моющих средств, которые могли действовать только в комплексе. Наличие таких достаточно многочисленных, зафиксированных источниками случаев, переживших «темные века», позволяет предполагать сохранение непрерывной преемственности и в этой сфере рыночных услуг.

Ключевые слова: прачечная, баня, рынок, услуги, Византия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Berger A. Das Bad in der byzantinischen Zeit. — München, 1982.
2. Magdalino P. [Comptes-rendus] (Berger A. Das Bad in der byzantinischen Zeit. — München, 1982) // BSl. — 1985. — An. 46. — Fasc. 1.
3. Курбатов Г. А. Ранневизантийские портреты. — Л., 1991.
4. Decker M. Everyday Technologies // The Oxford Handbook of Byzantine Studies / Ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. — Oxford, 2008.
5. Голофаст Л. А. Градостроительный облик Херсона в XIII веке // МАИЭТ. — 2009. — Вып. 15.
6. Magdalino P. The Bath of Leo the Wise // Maistor: Classical, Byzantine and Renaissance Studies for Robert Browning / Ed. A. Moffat. — Canberra, 1984.
7. Vitae duae antiquae Sancti Athanasii Athanitae / Ed. J. Noret. — Turnhout, 1982.
8. Frantz A. The Athenian Agora 24. Late Antiquity, A. D. 267–700. — Princeton, 1988.

9. *Koukoules Ph.* Vie et civilisation byzantines. Byzantion bios kai politismos. — Athenes, 1951. — Т. 4.
10. *Foss C.* Life in City and Country // The Oxford History of Byzantium / Ed. by C. Mango. — Oxford, 2002.
11. *Сорочан С. Б.* Византия: парадигмы быта, сознания и культуры. — Х., 2011.
12. *Сократ Схоластик.* Церковная история / Статья и коммент. И. В. Кривушина. Отв. ред. М. А. Тимофеева. — М., 1996.
13. *Mango C.* Daily Life in Byzantium // JÖB. — 1981. — Bd. 31. — Heft 1.
14. *Vie de Theodore de Sykeon / Etabil par A.-J. Festugiere.* — Bruxelles, 1970. — Vol. 1–2.
15. *Хрушкова Л. Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV—VII вв.). — М., 2002.
16. *Mundell Mango M.* Dynamic Archaeology of Early Byzantium // Proceedings of the 21st International congress of Byzantine Studies. London, 21–26 August. Vol. 1: Plenary Papers. — L., 2006.
17. *Болгов Н. Н., Сбитнева Ю. Н., Будаева И. С.* История одежды и костюма в Византии. — Белгород, 2009.
18. *Каждан А. П.* Два дня из жизни Константинополя. — СПб., 2002.
19. *Казанский П. С.* История православного монашества на Востоке. — М., 2000. — Т. 2.
20. *Палладий.* Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов / Пер. с греч. — М., 1992.
21. *Деяния* Вселенских соборов. — СПб., 1996. — Т. 4: VI собор., VII собор.
22. *Болгов Н. Н., Смирницких Т. В., Сбитнева Ю. Н.* Частная жизнь женщины в ранней Византии. — Белгород, 2009.
23. *Каждан А. П.* Никита Хониат и его время. — СПб., 2005.
24. *Допитванията на българите до Папа Николай I през 866 година // Кристанов Цв., Дуйчев И.* Естествознанието в средновековна България. Сборник от исторически извори. — София, 1954.
25. *Законодательные памятники административной и финансовой политики ранней Византии.* Ч. 1: период 364–491 гг. / Пер., коммент., прим. В. В. Серова. — Барнаул, 2004.
26. *Св. Григория Нисского* Слово против Ростовщиков // ХЧ. — 1838. — Ч. 4.
27. *Ioannis Chrysostomi* Opera omnia quae extunt... Opera et studio V. de Montfaucou / Accurant et denuo rec. J.-P. Migne. Т. 1 // PG. — 1862. — Т. 48.
28. *Иоанн Малала* Chronographia / Rec. L. Dindorf. — Bonnæ, 1831.
29. *Иоанн Малала.* Хронография // Евагрий Схоластик. Церковная история. Книга 1–6 / Пер. с греч., вступ. ст., коммент., прилож., указатели И. В. Кривушина. — СПб., 2006.
30. *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Приск Панийский. Сказания Приска Панийского / Подг. к изд. А. И. Цепков. — Рязань, 2005.
31. *The Chronicle of John, Bishop of Nikioui / Transl. by R. H. Charles.* — L.; Oxford, 1916.
32. *Иоанн Никиусский.* Хроника // Евагрий Схоластик. Церковная история. Книга 1–6 / Пер. с греч., вступ. ст., коммент., прилож., указатели И. В. Кривушина. — СПб., 2006.
33. *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга 1–6 / Пер. с греч., вступ. ст., коммент., прилож., указатели И. В. Кривушина. — СПб., 2006.
34. *Чудеса Св. Димитрия // Свод древнейших письменных известий о славянах.* Т. 2 (VII—IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. — М., 1995.

35. *Раннефеодальные государства на Балканах VI—XII вв.* / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. — М., 1985.
36. *Bakirtzis Ch.* The Urban Continuity and Size of Late Byzantine Thessalonike // DOP. — 2003. — № 57.
37. *Иванов Т. К.* Археологические исследования античного города Ульпия Эск // СА. — 1964. — № 1.
38. *Николов Д.* Августа Траяна — Вероя (II—VI вв.) // Археология. — София, 1965. — Год. 7. — Кн. 3.
39. *Николов Д.* Строителен надпис от римска баня край Стара Загора // Археология. — София, 1968. — Год. 10. — Кн. 1.
40. *McNally S.* Split in the Byzantine Empire: The Archaeological Evidence // Acts XVIIIth International Congress of Byzantine Studies: Selected Papers, main and Communications, Moscow, 1991. — Vol. 2. — Shepherdstown, 1996.
41. *Бородин О. Р.* Церковно-политическая борьба в Византии в середине VII в. и «дело» Римского папы Мартина I // ВВ. — 1991. — Т. 52.
42. *Феофан Исповедник* // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII—IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. — М., 1995.
43. *Georgii monachi chronicon* / Ed. C. de Boor. — Lipsiae, 1904.
44. *Исфрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исслед. и словарь. — Пг., 1920. — Т. 1: Текст.
45. *Agnelliqui et Andreas Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis* / Ed. O. Holder-Egger // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum langobardicarum et italicarum. — Hannoverae, 1878.
46. *Acta Graeca SS. Davidi, Symeons et Georgii Mytilensis* / Ed. J. Van den Gheyn // Analecta Bollandiana. — 1899. — Т. 18.
47. *Mango C.* The Brazen House: A Study of the Vestibule of the Imperial Palace of Constantinople. — Copenhagen, 1959.
48. *Mango C.* Le developpement urbain de Constantinople. — Paris, 2004.
49. *Kurtz E.* Zwei griechische Texte über die Hl. Theophano, die Gemahlin Kaisers Leo VI // Записки имп. АН. Историко-филологическое отд. Серия VIII. — Т. 3. — Вып. 2. — СПб., 1898.
50. *Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта* / Пер. с греч. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского, пред. О. М. Бодянского. — М., 1884.
51. *Theophanes continuatus* // Theophanes continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon magister. Georgius monachus / Rec. Im. Bekkerus. — Vonnae, 1838
52. *Pseudo-Symeon (Symeonis magistri annales)* // Theophanes continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon magister. Georgius monachus / Rec. Im. Bekkerus. — Vonnae, 1838.
53. *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. — СПб., 1992.
54. *Продолжатель Георгия Амартола* // Хронограф Георгия Амартола. Греческий подлинник, приготовленный к изданию Э. Г. Фон-Муральтом. — СПб., 1859.
55. *Magdalino P.* The Bath of Leo the Wise and the «Macedonian Renaissance» Revisited: Topography, Iconography, Ceremonial and Ideology // DOP. — 1987. — № 42.
56. *Сорочан С. Б.* Бани византийского Херсона (VI—X вв.) // Древности 2005: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2005.
57. *Голофаст А. А., Рыжов С. Г.* Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. — 2011. — Вып. 17.
58. *Falkenhausen van V.* Untersuchungen über die byzantinische Hershafft in Süditalien von 9. bis 11. Jahrhundert. — Wiesbaden, 1967.

Резюме

Сорочан С. Б. Про банно-пральну справу як вид ринкових послуг у Візантії IV—IX ст.

У статті розглядається стан пральної і лазневої справи у Візантії з пізньоантичного часу до IX ст., коли ця імперія стала типовою середньовічною державою з християнським суспільством. Автор доходить висновку, що в ранньовізантійську епоху пральна справа перестала функціонувати як сфера ринкових послуг. Але лазнева справа пережила складну еволюцію і не зазнала суттєвого занепаду після VI століття. Це суперечить існуючим в візантиністиці поглядам про зникнення лазень і професії банщика, опалювача лазень в «темні століття». Перебудова банної справи відбувалася в іншому плані. Через комплекс причин візантійські столичні лазні втратили свою колишню розкіш, великі розміри. У провінції вони теж стали менших розмірів. Поряд з лазнями анфіладного типу тут будувалися лазні з відсутністю симетрії, де головне, а іноді єдине місце, займав кальдарій. Тим не менш такі споруди діяли у візантійських містах із сторіччя в сторіччя. Вони перестали виконувати розважальні функції і перетворилися на прості заклади для миття з метою дотримання гігієни та християнського благочестя.

Ключові слова: пральня, лазня, ринок, послуги, Візантія.

Summary

S. Sorochan. *About the Bath-laundry Business as a Form of Market Services in Byzantium IV—IX Centuries*

The article reviews the status of laundry and bath business in Byzantium from late antiquity to the IX century, when the empire became a typical medieval state with a Christian society. The author comes to the conclusion that in the early Byzantine period laundry business has ceased its function as a market service industry. But bath business experienced a complex evolution and had no significant decline after the VI century. This is contrary to current views about the disappearance of Byzantine baths and bath attendant profession, stoker baths in the «dark ages». Bath business restructuring took place in a different plane. Because of the complex reasons the Byzantine capital baths lost their former luxury, large sizes. In the provinces, they also became smaller. Alongside with enfilade type baths, another baths were built with the absence of symmetry, where the main and sometimes the only place caldarium occupied. However, such facilities were operating in the Byzantine city through the centuries. They stopped doing an entertainment functions and became an ordinary establishments for washing to comply with the hygiene and Christian piety.

Key words: laundry, bath, market, service, Byzantium.

